

ОДИН ВЕЧЕР ИЗ ЖИЗНИ СОРОКИНА

«Черт меня дернул прийти сюда, на это тощее мероприятие... И какого дьявола я тут делаю? Примчался, чтобы ее увидеть... Ну, и что я ей скажу? Здравсьте, я ваша тетя, это про меня вы писали в своей книге, а я был так очарован, что, если б встретил, придушил бы...»

Как она там сказала? ««Пять вечеров» – это заново пересказанный миф об Одиссее»... Согласен, Володин знал в этом толк. Гений! Сейчас, наверное, хохочет на том свете, как гомеровский бог. А чего ему не хохотать – я всю жизнь живу одной этой пьесой, одной-единственной... Забодай меня козел, я же мечтал стать режиссером, а вышло, что всю жизнь пролицедействовал, жалкий актёришка. Эх, ехать бы, ехать, никуда не приезжать. А куда, собственно, я могу приехать, когда были Эфрос, Товстоногов, Ефремов? Я уже полностью приплыл лет в сорок. Остальные двадцать – лишь принимаю почести. Впрочем, это уже похороны Сорокина.

Что за тип рядом с ней? Хм, Громов, старый хрен вроде меня, написал за всю жизнь один роман – и теперь он во всех президиумах. Чего она-то его ласками одаривает? Или от счастья, что премию получила за мои потроха? Ну, неужели не замечает? Моя физиономия полвека на экране торчит, я же древнее Гомера. Презирает? Да нет, просто плюет».

Так думал Сорокин, наблюдая за Лапшиной из-за колонны. Худая, чернявая, в крупных очках. Лет пятнадцать на вид. И как эта пигалица смогла написать ТАКУЮ книгу? Пришибла намертво, мол, обманывал он себя всю жизнь, потому и ни одной режиссерской работы больше. А от тех легендарных «Пяти вечеров», которые он ставил в молодости, ни свиста на корме, ни самой кормы. Не Одиссей ты, Сорокин, увы. Того жена ждала – в этом его избранность и благословение.

А что же его жёны? За плечами у него было два брака, женился он исправно каждые двадцать лет – ровно столько выделялось ему по логике мифа на войну и возвращение. И обе жены вышли за него, не дождавшись предыдущих мужей. У одной суженный подался в диссиденты, у другой – не вернулся из Афганистана.

Сорокин тоже честно пускался в путь, шел на фронт в надежде на Троянского коня. Однако тот оказывался уже выдуман. Жены быстро уставали и перепрыгивали в другой миф. Сорокин же постепенно соскальзывал в толпу Пенелопиных женихов. Какой он Одиссей? Он – Полознев, а всю жизнь пытается причаститься к альпийскому сиянию героев.

Лапшина повернула к нему голову, будто взгляд почувствовала. Сорокин спасся за колонной.

– Ты чего, старик? – Димка нахально улыбнулся отцу. – Прячешься, что ли?

Так она тебя, наверное, видела. Тебя уже тут все увидели.

– Что ты городишь? Причем здесь она? – глупо смутился Сорокин.

– Ну, ты же из-за нее сюда пришел.

– Дурак.

И, раздвигая руками толпу, Сорокин поплыл в сторону Лапшиной.

Она стояла спиной, выставив острые локти. Это вызвало у него трепет. Хрупкий затылок в кучерявых локонах, неприступный, как Троя. Развернуть бы ее к лесу задом, чтобы Громов шел лесом. Но тот так и ломился в кадр, напирал крупным планом.

– А я, Ольга Андреевна, знал, что этим кончится, эта книга вас прославит.

– Помнится, когда я училась у вас на курсе, вы были другого мнения. Я ваши разгромные рецензии, как любовные письма, берегу.

«Голос мягкий и теплый, как хлеб», – подумал Сорокин.

– А это и были любовные письма.

– Спасибо. Буду знать, что у нас с вами любовь.

Сорокин почему-то оробел. Он хотел снова нырнуть, но вдруг она повернулась к нему.

– Ой! Алексей Палыч... Я вас узнала. Здравствуйте.

– Здравствуйте, – Сорокин поклонился, – рад... Я прочел Вашу книгу... она меня впечатлила... это сильная вещь... – сказал он, глядя в пол. – Я тут немного волнуюсь, вы не обращайте внимания...

И он запнулся, будто забыл слова, даже глаза возвел, будто вспоминая. Ему казалось, она смотрит на него с тем же восторгом, с каким дети созерцают слонов, клоунов или дирижабли.

– По-моему, вы что-то другое хотите сказать, – неожиданно отозвалась Ольга.

– Хочу... Вам двадцать уже есть? – не к месту спросил Сорокин.

Она сняла очки, и ей стало тридцать. У Сорокина отлегло. Отражаясь в ее глазах с игольными зрачками, остреющими в розоватых стеклышках, он чувствовал себя ветхим, почти мертвым. Очки ее невероятно молодили. Без них же она старилась, а Сорокин, попадая в поле ее близорукости, оживал и молодел.

– Алексей Палыч, вы немного злитесь. Или мне это кажется?

– Вам кажется. На самом деле я взбешен, – он слабо рассмеялся. – Я старый разочарованный человек... а тут ваша книга...

– Странный вы. Говорите о злости таким монотонным голосом. Не по-актерски как-то.

– А по-актерски это как – вырубать криком электричество? Я этого даже в театре не делаю... Может, пойдем куда-нибудь по случаю нашего знакомства? Я, так сказать, с удовольствием разделю одинокий вечер...

– Да что вы, я опасаюсь проводить вечер с раздраженным мужчиной.

– Понимаю. Дома ждет милый друг? Обидно... Можно говорить вам «ты»? Я ведь Вооз в сравнении с вами.

– Обращайтесь ко мне, как хотите.

Он посмотрел в ее близорукое лицо. Лапшина была красива. Ему нравились ее круглые глаза и крепко слепленные сибирские скулы с прозрачными веснушками. В ее лице было нечто скульптурно-неоконченное, и, казалось, она могла менять не только возраст, но и черты. Сорокину захотелось взять это неочевидное лицо в ладони и тихонько помять, словно глину... затем снять с него осторожный внимательный взгляд – и за ним обнаружить некое новое старшинство, сближающее их в этом оптическом волшебстве до равенства.

Тут к ней сзади подошел высокий носатый молодец и резко повернул ее к себе.

– Олешка! – воскликнула она и бросилась ему на шею.

И он потянул ее к какой-то смеющейся и галдящей компании. Она лишь бросила жалостный взгляд на Сорокина. Он, будто сдаваясь, прощально поднял обе руки.

«Издательская свора, – мрачно подумал Сорокин, – литераторы».

К тому времени, когда Лапшина вышла на улицу, Сорокин успел пропустить два стаканчика коньяку, принесенного Димкой, и теперь ощущал возбуждение и смелость, которую всегда обретал после спиртного.

– Черт возьми, я чувствую себя твоим персонажем. – сказал он без предисловий, как только увидел ее на крыльце. – Как тебе удалось?

– Что?

– Понять меня.

Они вместе двинулись по тротуару.

– Вам не кажется, что вы много на себя берете? Почему вы считаете себя прототипом моего героя?

– Ну, а почему ты мне в этом отказываешь? Я не Одиссей? Нет? Состарился в своем плаваньи, а плыть-то оказалось некуда. Господи, вот незадача!

– Я этого не говорила.

– Да ладно, ты уже все сказала. Я, как тот подонок из твоей книги, мой предполагаемый двойник... я бы хотел плыть и встречать на пути чудеса одно безнадежнее другого... за Троей Циклоп, за Циклопом Сцилла, за ней Кирка и прочие... Но чтобы на родине у меня в это время кто-то сплетал и расплетал свои нити. Этот саван, как нить Ариадны, удерживает и освобождает одновременно. С ней я могу идти в любые темы, выуживать любую рыбу.

– Да разве вы мало рыб выудили? Вы же актер от бога. Ваши роли не для каждого.

– Брось. Ты-то знаешь... Смотри на меня, как на своего героя, и ты меня прекрасно поймешь... Оленька, ты хорошо помнишь, почему умирает твой герой? Он повзрослел, а как быть взрослым, не понял. Такие коллизии смертельны. Со мной произошло то же самое, только двадцать лет назад. Мне было уже за сорок, но почему-то считалось, что я молодой гений. Пошлость, конечно, но факт. К тому времени свой «молодой гений» я уже изнасиловал, прости мне высокопарный штиль... и с тех пор не живу. Когда инфлируется гений, начинается мелкотемье.

Ольга молчала. Оживший герой обдавал ее не троянским, а совсем карамазовским отчаянием.

– В моей жизни был один настоящий спектакль. – продолжал Сорокин, – И знаешь, это было, как ночь с Клеопатрой – ярко, но смертельно... А должно быть, видимо, как-то иначе, чтобы был второй и десятый... понимаешь, нить у Пенелопы должна быть во всю ширину моря. Я же, как пес на коротком поводке, если и начну, буду делать то же, что большинство... Театр вообще меня перестал удовлетворять. Сильные крики побуревших актрис, старые мальчики с лысынами, жесты, па, ужимки... Я убежден, что в современном театре все должно быть по-другому.

– Как?

– Говорить нужно шепотом, а лучше вообще не говорить. Пусть актеры молчат. – И он замолчал... – А чтобы молчание состоялось, – опомнился он, – масштаб переживаний героя должен соответствовать Троянскому путешествию.

Сорокин засмеялся.

– Недавно встречаю свою одноклассницу. В студенчестве она была прекрасная... ну, просто девочка на шаре с полотна Пикассо. А теперь царевна Ирина тол-

ста, как перина... щекастая, лохматая тетка. Я посмотрел на нее и понял – жизнь прошла. Вот в кого я превратился.

– Чего вы хотите? Вам никто не протягивает нить, никто не плетет в ожидании вас... По-моему, речь идет просто о любви. Вы в ней нуждаетесь и думаете, она спасет вас от творческого кризиса. Не слишком ли много надежд на женщину? Это всего лишь женщина.

«И в самом деле, что это со мной? – подумал Сорокин. – Зачем я распинаюсь перед ней? Третий заход делаю, блаженный. И на что рассчитываю? На то, что Машенька вдруг одумается и начнет любить Полознава до гроба. Там, среди ковров, сена и пьяных мужиков. А потом прямо в яслях родятся, как Иисус, некие фантастические идеи, способные обратить маляра в ученого, изобретателя или бог знает в кого. Какой идиотизм! В чем главный вопрос – «Как из суфлеров перейти в артисты» или все же «Любит-не любит»? Если меня любят – я есть, если нет – не взыщите. Разнюнился, как младенец... Я и режиссеров всех делю на две категории – этот меня любит, а этот не любит».

Грудь Сорокина сделалась тяжелой, будто каменной, и в ней, как в бастионе, глухо бухнуло сердце. Женщина стояла перед ним. Упасть бы на колени, вымолить у нее хоть каплю...

– Что ж, мне пора.

Ольга протянула ему руку.

Сорокин взял ее за обе – кисти были маленькими, с крепкими пальцами.

– У тебя руки красивые, – сказал он. – Что ты так смотришь?

– Жду, когда вы скажете: «У тебя глаза красивые и цвет лица хороший».

– Ну, раз уж мы внутри Володинской пьесы, то ты забыла самое главное – между репликами есть поцелуй.

Он приблизился и хотел поцеловать ее.

– Перестаньте, Алексей Палыч.

– А что такое? – он уже крепко держал ее в объятиях. – Я все-таки не тяну на твоего героя? Я тут перед тобой польку-бабочку выплясываю, а ты не удостоишь даже ласковым взглядом. Ну, хоть плечико-то позвольте облобызывать...

Ольга оттолкнула Сорокина.

– По сюжету я вообще должен жениться на тебе.

– По какому, интересно?

– По любому – и по твоему, и по Володинскому.

– Мы не в пьесе. И вы не мой герой. Мой герой, по крайней мере, честен с собой. И он, в отличие от вас, борется за свою жизнь.

– Ах, скажите, пожалуйста! И в чем же это я нечестен?

– Хотя бы в том, что артист вашего уровня не должен играть такие роли.

– Какие это ТАКИЕ?

– Вы сами все знаете.

– А что ты предлагаешь? Давай твой роман превратим в пьесу. В ней все будут молчать. Я готов ее поставить за один поцелуй.

– Не в себе вы, ей-богу. Я ухожу. Приятно было познакомиться.

– Доставьте удовольствие, позвольте домчать до дома.

– Перестаньте паясничать...

Ее фразу съел автомобильный гудок. И удаляющийся облик запятнали вечерние огни. А потом она совсем растаяла в горячо наплывающей волне – слезы Сорокина. Эх, плыть бы, плыть, никуда не приплывать. Пусть эта река прольет жгучие струи и соединится с Летой.

Сорокин вошел в квартиру. Рита прошаркала навстречу.

Он сел на тумбу в пальто и кепке, постаревший Ильин, не вернувшийся двадцать лет назад.

– Золотое руно, где же ты, золотое руно? Всю дорогу шумели морские тяжелые волны...

Она холодно посмотрела на мужа, затем, махнув полой халата, словно рыба хвостом, скрылась в комнате.

– Рита, – позвал Сорокин, – скажи, какую мою роль ты любишь больше всего?

– Никакую. Я вообще не люблю актерства. Лучше бы готовить научился.

«Голос низкий и тяжелый, как спелое яблоко», – подумал Сорокин.

– Я ложусь спать, мне вставать в шесть утра. Ты так и будешь сидеть в прихожей?

– Рит, ты помнишь, почему я на тебе женился?

– Отстань.

– Мне понравилось, КАК ты любила своего первого мужа. Я влюбился в эту любовь... Ты его ждала, даже когда стало понятно, что он не вернется. И потом, когда он окончательно не вернулся, ты все равно ждала... Рит, ты до сих пор его вспоминаешь?.. А? Рита...

– Это ты до сих пор его вспоминаешь. А мне наплевать.

– Вспоминаю. Я всю жизнь буду боготворить тебя за то, что ты ждала... Понимаешь, ожидание – часть Одиссеи. А моя жизнь не может протекать вне этого сюжета... Но для меня не столь важна героика. Важно, какой плач рождается в душе по утраченной земле...

– И что дальше? – раздраженно крикнула Рита.

– И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, Одиссей возвратился, пространством и временем полный...

– Хватит кривляться.

– Если бы я спустился в подземное царство, я бы не стал искать Тиресия...

– А кинулся бы камнем в воды забвения, – последняя Ритина реплика выкатилась яблочком, и все стихло.

Свет погас. Сорокин прошел на кухню. Вода забвения стояла в холодильнике. Впрочем, оставалось на доньшке. Опрокинув последнюю слезу, он уже было собрался лечь, как вдруг на столе вспыхнул забытый женой телефон. Сообщение пришло от Димки: «отец в большом зале на награждении ты же знаешь он не может без таких мероприятий пусть порезвится тут полно народу все славят старого волка он в восторге не жди его сегодня».

«Вырос мой сын Телегон, – театрально прошептал Сорокин, – и скоро он убьет меня».

